

Секция «Журналистика»

Остранение и автоматизация в языке

Львов Василий Сергеевич

Студент

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Факультет

журналистики, Москва, Россия

E-mail: basile.lvoff@gmail.com

Метод доклада – доказательство от противного: он отталкивается от идеи автоматизации.

Верное своей природе, остранение избегает однозначного толкования. Известно наверняка, что остранение противостоит автоматизации [1, 2].

Вот некоторые из проблем, с ним связанные, и приблизительные решения.

Можно ли остранение приравнять к удивлению в Аристотелевском понимании [5]? Нет, остранение может быть лишь его частью, причиной. Остранение не рождает, а возрождает удивление. Здесь проявляется гносеологический потенциал остранения.

Как соотносить о-странение с от-странением [4]? В докладе предлагается определение отстранения. Два понятия соприкасаются. Остранение имеет черты отстранения. Но остранение – это раскрытие «упакованных» (Шкловский) явлений автоматизованного мира, а не уход от него. Отстранение, в свою очередь, – это уход от автоматизованного мира. Остранение имеет дело со смыслом, ищет его. Отстранение стремится к бессмыслице, оно бежит мира, мира в значении суеты, vanitas. Остранение культурно и глубоко социально. Отстранение – асоциально. В литературе его выразители – герои-чудаки. Например, Бенджи в Фолкнеровском «Шуме и ярости».

Еще один вопрос – может ли остранение существовать вне контекста? От этого зависит понимание остранения. Так, считать ли образцовый язык Пушкина, столь привычный для уха, остраненным? Шкловский говорит, что ясный пушкинский слог воспринимался как непривычно трудный привычными к тяжеловесному стилю современниками. Повторим вопрос: может ли остранение существовать вне контекста? Скорее, все-таки не может. Это можно проиллюстрировать метафорой: чтобы остранить черное, подчеркнув его черноту, его необходимо поместить на белый фон.

Доклад делится на три части.

В первой части дается определение остранения, предпринимается попытка понять, чем оно является, а чем – нет. В частности, сопоставляются термины остранение и отстранение.

Вторая на примерах демонстрирует инструментальные возможности применения остранения в языке литературы, публицистики и журналистики. Дается классификация видов языкового остранения.

Также во второй части говорится о художественной – назовем ее так – традиции остранения в мировой литературе и о просветительской (определение Карло Гинзбурга) [3]. В том числе и на основе принципиального для Шкловского разграничения между поэтическим и практическим языком (крайнее выражение первого – литература, второго – журналистика) вводится понятие автоматизованного остранения.

Шкловский пишет, что мы существуем в мире готовых вещей, клише, штампов. Этот мир, следуя всеобщему закону экономии, поглощает новые и свежие открытия и пре-

вращает их в готовые, упакованные вещи. Свободный взгляд на мир открывает новое, свежее, заставляет мир сверкнуть еще одной своей гранью, после чего это новое абсорбируется миром. Возвращает вещи из этой среды остранение. Остранение разрушает штампы. Но когда остранение было открыто в литературе, названо, определено, когда оно стало понятием и было, таким образом, упаковано, поглощенное миром, оно до известного предела оказалось автоматизировано. Это рождает потребность остранить само остранение.

Третья часть доклада посвящена историко-литературным примерам автоматизации языка в тоталитарных обществах. С точки зрения остранения, рассматривается введенное автором в предыдущих работах понятие гиперинфляции слова.

Литература

1. Шкловский В. Б. Искусство как прием. О теории прозы. - М.: Круг, 1925.
2. Шкловский В. Б. Тетива. О несходстве сходного. - М.: Художественная литература. 1974
3. Карло Гинзбург. Остранение: Предыстория одного литературного приема. - М.: Новое литературное обозрение, 2006, №80.
4. Тульчинский Г. Л. К упорядочению междисциплинарной терминологии. - Психология процессов художественного творчества. - Л., 1980.
5. Аристотель. Метафизика. – М.: Эксмо, 2008.